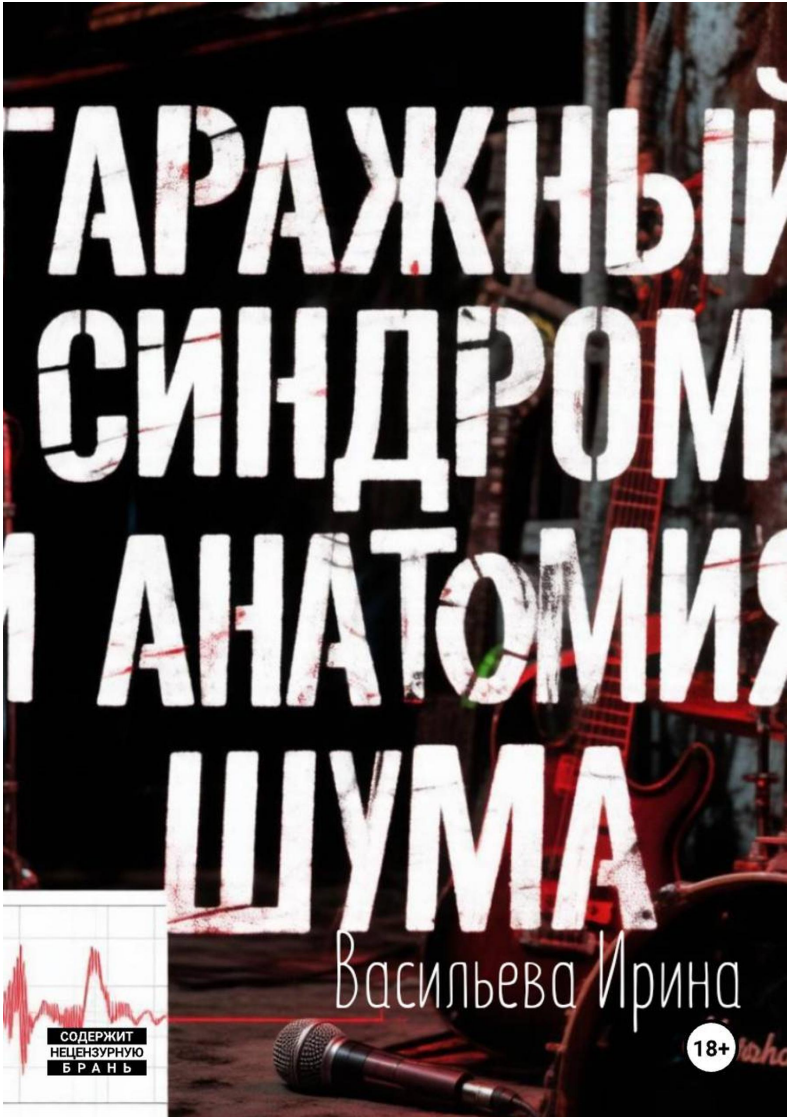

ГАРАЖНЫЙ
СИНДРОМ
И АНАТОМИЯ
ШУМА
Васильева Ирина
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ирина Васильева

Гаражный синдром и Анатомия шума

https://litres.ru/74873429
SelfPub; 2026

Аннотация

Провинциальный город, где единственным запахом будущего является хлорка в больницах и перегар в гаражах. Лёха Бекетов — шестнадцатилетний подросток с разбитой бровью и разбитой копилкой. У него есть только три вещи: ржавая гитара «Урал», колонка «Электроника-10», которая кашляет от перенапряжения, и мечта. Мечта играть так громко, чтобы рухнули стены, и так честно, чтобы заболели зубы.

Но панк-рок в России — это не протест, это ипотека на собственную душу. Пытаясь вырваться из бетонной коробки нищеты, Лёха заключает сделку с местным «королем» промзоны — Ржевым.

«Кровавый Ряженка» — это история о том, как больно становиться громким. Роман о цене звука, где за каждый децибел приходится платить сломанными ребрами, предательством и кровью.

Финал, в котором самый громкий крик звучит тише всего, а настоящая свобода оказывается спрятана в кладовке панельной

пятиэтажки, где отец семейства тайком играет на разбитой гитаре, пока жена и дочь спят в соседней комнате.

Содержание

Часть I. Шнур и две колонки. 5
Глава 1. Прокуренная репбаза. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Ирина Васильева
Гаражный синдром и Анатомия шума

Часть I. Шнур и две колонки.

Глава 1. Прокуренная репбаза.

Пахло жженым пенопластом, мокрой псиной и безнадегой. Именно так, по мнению шестнадцатилетнего Лёхи, должно было пахнуть место, где рождается настоящий, неподдельный панк-рок. На деле это была просто железная будка гаражного кооператива «Рассвет-2», вросшая в раскисшую ноябрьскую землю по самые петли. С потолка, пробитого насквозь корнями какого-то борщевика, методично капало. Кап. Кап. Кап. Прямо в эмалированный таз, который они притащили из помойки за хрущевками.

Лёха сидел на перевернутом ведре из-под краски. Ведро было ледяным, даже сквозь рваные джинсы «Carhartt», купленные на три размера больше у старшего брата одноклассницы. От холода у него уже онемели пальцы на ногах, но встать он не мог. В руках он держал гитару — чешскую

«Muzika», тяжелую, как надгробие, с грифом, который вело вправо, словно у больного сколиозом.

— Ты опять в ля-миноре завис? — просипел Толян, не вынимая изо рта «Приму» без фильтра.

Дым от сигареты был густым, сизым. Он не поднимался к потолку, а стелился слоями, как туман над рекой. В этом тумане лицо Толяна — басиста группы «Кровавый Ряженка» — казалось зеленоватым, как у утопленника. Толяну было двадцать два, у него уже начали редеть волосы на макушке, а под глазами висели мешки цвета асфальта. Он работал грузчиком на хладокомбинате, и от него вечно пахло тленом и мороженой говядиной.

— Это не ля-минор, — огрызнулся Лёха, пытаясь прижать баре на пятом ладу. Пальцы, красные от холода, скользили по ржавым струнам. — Это пост-панк. Атмосферный. Как Joy Division, только злее.

— Джой Дивижн — это для пидоров, — философски заметил Толян и стряхнул пепел прямо на бетонный пол, где уже образовалась маленькая черная горка. — Надо рифф качовый. Четыре четверти. Бум-бум-бум-бум. Чтобы у кабана на танцполе кишки тряслись.

Кабанов в гараже не водилось, если не считать нарисованного на стене баллончиком уродливого хряка в шипастом ошейнике. Это была их первая и единственная афиша, которую Толян намалевал перед несостоявшимся выступлением в подвальном баре «Старый пень». Бар закрылся на сан-

обработку после того, как там кто-то подрался арматурой, и «Кровавый Ряженка» остались без площадки.

— У нас нет танцпола, Толян, — Лёха со злостью ударил по струнам медиатором. Медиатор — кусок пластика, вырезанный из старой банковской карты, — жалобно тренькнул и улетел под стеллаж. — У нас есть таз с дождевой водой и Саня, который сейчас словит приход от звука падающих капель.

Ударник Саня сидел в самом дальнем, темном углу гаража. Ему было девятнадцать, но на вид давали все сорок. Худой, с острым кадыком, торчащим из ворота растянутого чёрного свитера, он раскачивался взад-вперед. Его установку — видавший виды «Тактон» с пожелтевшим от времени пластиком — они собрали по частям: бочка от школьной, малый барабан купили за две бутылки паленой водки у деда-металлиста, а тарелки представляли собой два погнутых диска от циркулярной пилы, которые Лёха спилил на уроке труда.

Саня не бил по установке. Он просто держал палочки над ней, закрыв глаза.

— Слышите? — вдруг прошептал он, не открывая глаз. Голос у него был тонкий, почти девичий. — Она вступает на слабую долю. Синкопа. Сначала редко. Потом стаккато. Форте. Пиано. Снова форте.

Кап. Кап. Кап.

Лёха тяжело вздохнул. Шизофрения Сани была тихой, не

буйной, но она требовала жертв. В прошлый раз Саня решил, что гул в трубах отопления — это вступление духовой секции, и пытался играть с ним в унисон сорок минут, пока у Лёхи не пошла кровь из ушей.

— Саня, это вода, — терпеливо, как врач в ПНД, сказал Лёха. — Труба гниет. Скоро нас тут затопит к чертовой матери вместе с аппаратурой.

— Аппаратура — это святое, — подал голос Толян и полез во внутренний карман своей промасленной куртки. — Где мой комбик?

Слово «комбик» в контексте Толяна звучало как «ковчег». Это был их главный тотем, их идол, ради которого Лёха вчера разбил свою детскую копилку — гипсовую свинью, в которой хранил мелочь на мороженое с третьего класса.

«Электроника-10».

Она стояла в центре гаража на двух кирпичах. Серебристо-серая, угловатая, советская. Весила она килограммов пятнадцать чистого, спрессованного в пыльных микросхемах железа. На лицевой панели красовалась гордая надпись «Электроника-10» и два темброблока, похожих на шкалы управления баллистической ракетой. Колонка была одна, но зато какая — размером с небольшой гроб.

— Толян, это не комбик, — Лёха кивнул на ящик. — Это голова. Голова от «Электроники-10». Усилитель. А звук она сама не издает. Ей кабинет нужен. Динамик.

Толян замер с недокуренной сигаретой в зубах. Его лицо,

и без того не обремененное интеллектом, медленно вытянулось.

— Как это не издает? — просипел он. — Я её на горбу через весь район пер. Автобус высадил, сказал, пьяная морда. Я думал, воткну джек — и оно ка-а-ак заревет.

— Оно заревет, если мы найдем кабинет, — Лёха пнул пустое ведро. Оно с грохотом покатилось в угол. — У нас есть шнур. У нас есть две пассивные колонки от домашнего кинотеатра. Если я правильно спаяю сопротивление, мы получим звук.

— Какой звук? — Толян наконец вынул «Приму», осмотрел бычок и спрятал обратно в пачку. — Звук должен быть жирным. Чтобы бас в грудину бил. Чтобы печень подпрыгивала. А твои колонки от кинотеатра... ими только «Ласковый май» слушать на дне рождения у бабки.

Лёха почувствовал, как внутри закипает та самая злая, горячая волна, ради которой он и собирал эту группу. Ради которой он врал матери про дополнительные по алгебре, ради которой он ходил в школу с красными от недосыпа глазами.

— «Ласковый май»?! — Лёха вскочил с ведра. Ведро опрокинулось, разлив остатки грязной воды. — Ты вообще понимаешь, что мы делаем, Толян?! Мы делаем историю! Мы — «Кровавый Ряженка»! Мы играем настоящий, сырой, первобытный панк! Нам не нужен твой жирный звук для кабанов! Нам нужен шум! Скрежет! Разрушение!

Он кричал, брызгая слюной. Гитара в его руках дрожала.

Толян смотрел на него снизу вверх, прищурив один глаз от дыма. В его взгляде не было злости. Там была тяжелая, вселенская усталость человека, который видел, как на его глазах сдохло три страны, и которого уже ничем не удивить.

— Историю, — повторил Толян. — Лёха, какая история? Твоя история сейчас — это то, что ты спиздил у бабки деньги на похороны. Она копила, чтобы в Париж съездить, помереть красиво под Эйфелевой башней. А теперь у нее на похороны нет. Зато у нас есть голова от «Электроники».

Лёха задохнулся. Он не крал. Он взял в долг. Он собирался вернуть, как только они подпишут контракт. В его голове контракт уже был подписан, кровью, на пергаменте, и менеджер в черном костюме уже ждал их в гримерке «Лужников».

— Я верну, — тихо сказал Лёха. — С первых гонораров.

Толян хрипло, лающе расхохотался. Смех перешел в кашель, такой сильный, что он согнулся пополам, упершись руками в колени.

— Гонораров, — выдавил он сквозь слезы. — Лёха, мы вчера в «Старом пне» даже звукачам не понравились. Нас не пустили на сцену. Сказали, от вашей музыки у крыс из подвала шерсть седеет. Какие, нахрен, «Лужники»? Твой потолок, пацан — это играть за ящик «Жигулевского» на дне рождения у дяди Васи из третьего гаража. И то, если дядя Вася к тому моменту не сядет в салат лицом.

Лёха молчал. Он смотрел на голову «Электроники». На

ржавые болты, на треснувшую пластиковую ручку громкости. Этот ящик был его единственным союзником в мире, где физрук орал, что лучше бы он пошел на бокс, а директор школы обещал поставить на учет к участковому за внешний вид.

— Саня, — позвал Лёха, не оборачиваясь. — Хватит медитировать. Вставай за установку.

Саня открыл глаза. Они были абсолютно пустыми, прозрачными.

— Я не могу, — сказал он. — Капли сегодня играют фриджаз. Я не попадаю в их полиритмию. Я разрушу структуру.

— Разрушь! — заорал Лёха. — Разрушь её к чертям! Нам и нужен фри-джаз! Нам нужно всё разрушить!

Он шагнул к Сане, схватил его за ворот свитера и рывком поднял с ящика. Свитер затрещал. Саня был легким, как скелет птицы.

— Садись, — Лёха толкнул его к «Тактону». — Бери палочки. Представь, что капли — это сраные джазисты, а мы — кувалда. Бей кувалдой.

Саня покорно сел. Взял палочки. Посмотрел на потолок.

Кап. Кап. Кап.

Он занес палочку над тарелкой из диска циркулярки. Замах был широким, театральным. Лёха зажмурился, ожидая скрежета металла, который заставит соседей по кооперативу вызвать полицию.

Вместо этого раздался глухой, ватный удар.

Пам.

Саня ударил не по диску. Он ударил по пластику малого барабана.

Пам.

Пауза.

Пам.

Он поймал ритм капель. Он не стал его ломать. Он стал его подчеркивать.

Лёха открыл глаза.

— Толян, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Тащи бас.

Бас-гитара Толяна называлась «Урал». Она была тяжелой, как лом, и строила через раз. Толян медленно, словно нехотя, поднялся. Его движения были вязкими, как у водолаза. Он достал из чехла инструмент, перекинул ремень через шею. Ремень был сделан из собачьего поводка.

— В ля? — спросил он.

— В ля, — кивнул Лёха.

Он воткнул джек от гитары в самодельную примочку — коробку из-под обуви, внутри которой Лёха спаял транзисторы так, что они выдавали не перегруз, а звук работающей бензопилы.

Он ударил по струнам.

Дзиииииииииинь.

Звук был мерзким, высоким, пробирающим до зубовного скрежета.

Толян ударил по басу.

Бууууммм.

Низкая, вибрирующая нота поплыла по гаражу, заставив затрястись банки с засохшей краской на стеллаже.

Саня ударил по тарелке.

Скрииииип.

Диск циркулярки, не предназначенный для ударов, издал звук рвущегося кровельного железа.

Кап. Кап. Кап.

Пам. Дзиинь. Бууум. Скриип.

Это не было музыкой. Это была звуковая дизентерия. Это было больно слушать. У Лёхи завибрировали пломбы в зубах. Но в этом хаосе, в этом скрежете и гнилом ля-миноре было что-то настоящее. Что-то, от чего по спине бежали мурашки, не имеющие ничего общего с холодом.

Они играли минут пять. Никто не следил за квадратом. Никто не считал доли. Они просто качались в такт падающей воде, ржавчине и собственной ненависти к этому миру.

Потом «Урал» Толяна издал предсмертный хрип и замолчал. Струна лопнула, больно хлестнув басиста по щеке.

— Всё, — сказал Толян, трогая царапину. — Пизда колкам. Надо в музторг ехать.

— Денег нет, — напомнил Лёха, выключая примочку. В ушах звенело.

— Денег нет, — согласился Толян. — Зато есть заначка.

Он подошел к задней стенке гаража, где под листом рубе-

роида у них был тайник. Пошарил рукой. Выругался.

— Лёха.

— Что?

— Заначки нет.

Лёха молчал. Он знал. Он видел вчера, как Толян, пошатываясь, выходил из рюмочной на углу.

— Сколько там было? — спросил Лёха.

— Полштуки. На новые струны. На хлеб. На всё.

Толян не выглядел виноватым. Он выглядел обреченным. Он сел на свой ящик, достал новую «Приму» и закурил. Его руки, огромные, покрытые цыпками и шрамами, мелко дрожали.

— Я отдам, — сказал он в пустоту. — Как только получку дадут. Меня на разгрузке вагона обещали оставить на постоянку.

— Ты его пропил, — тихо сказал Лёха. — Вместе с нашим будущим.

— Я его пропил, — эхом отозвался Толян. — Потому что, Лёх, если я его не пропью, я пойду и повешусь на трубе этой сраной. От вашей музыки, пацаны, жить не хочется. От нее хочется сдохнуть, но красиво. А красиво сдохнуть — это дорого. Вот я и экономлю. На панихиду коплю.

Саня в углу тихо заскулил. Он снова слушал капли.

— Они ускоряются, — прошептал он. — Форте-форте-форте. Наводнение. Всемирный потоп. Мы утонем в ля-миноре.

Лёха подошел к «Электронике-10». Провел рукой по холодной пыли на крышке. Он представил, как мать сейчас сидит на кухне. Та самая мать, у которой он украл деньги на Париж. Она не плачет. Она просто смотрит в одну точку на обоях, где когда-то висел ковер, и медленно, механически чистит картошку. Чистит, чистит, чистит... Картофельные очистки падают в ведро ровной, идеальной горой.

Ему стало стыдно. Стыдно так, что захотелось содрать с себя кожу.

— Ладно, — сказал он, стараясь звучать ровно. — Сыграем на переменке.

— Какой переменке? — не понял Толян.

— В школе. На большой. Директор сказал, что если мы не прекратим прогуливать, он выпустит нас на сцену актового зала во время большой перемены. Чтобы мы опозорились перед всей школой и сдохли от стыда. Сказал, что гитару мне в жопу засунет, если я еще раз появлюсь с ирокезом.

Толян впервые за вечер улыбнулся. Улыбка сделала его лицо старым и добрым.

— Директор — панк, — хрипло сказал он. — Он понимает суть. Засунуть гитару в жопу — это лучший панк-рок перформанс.

— Мы сыграем, — Лёха пнул таз с водой. Вода плеснула на бетон. — Мы сыграем так, что у него очки запотеют. Мы вынесем туда «Электронику».

— Без кабинета? — усомнился Толян.

— Без. Пусть просто гудит. Пусть воет. Как сирена гражданской обороны. Мы будем играть, а она будет выть. Это будет наш «Секс Пистолс».

Саня перестал скулить. Он поднял голову. В его глазах впервые за вечер появился проблеск разума.

— Сирена... — прошептал он. — Она в соль-мажоре. Я могу подстроиться под сирену. У меня есть палочки с обмоткой, они дадут нужный визг.

— Вот, — Лёха ткнул пальцем в Саню. — Слышишь, Толян? У нас будет визг. У нас будет вой. У нас будет ля-минор. Что еще нужно для счастья?

— Для счастья нужно пожрать, — ответил Толян, туша сигарету о кирпич. — У меня с утра ни крошки. От этого баса у меня кислотность повышается. Язву заработаю раньше, чем славу.

Лёха сунул руку в карман джинсов. Пальцы нащупали смятый флаер — чёрную бумажку, на которой кривым трафаретом было выведено: «КРОВАВЫЙ РЯЖЕНКА. ПАНК. РЕВОЛЮЦИЯ». Это были остатки их тиража. Сто штук. Которые они расклеили на столбах, и которые дворники содрали через час.

— У меня есть идея, — сказал Лёха. — Пойдем к «Европейскому».

Толян скептически хмыкнул.

— Там охрана. Нам даже милостыню подать не дадут, побьют.

— Мы не просить, — Лёха взял гитару, перекинул ремень через плечо. Инструмент все еще был ледяным. — Мы играть. Тур начался.

— Какой тур? — Толян с кряхтением поднимался, разминая затекшую спину.

— Наш первый тур, — Лёха пинком открыл примерзшую дверь гаража. Внутрь ворвался ледяной ноябрьский ветер, неся с собой запах мокрого снега и выхлопных газов. — От ларька с шаурмой и до круглосуточного банка.

Они вышли в промозглую тьму гаражного кооператива. «Рассвет-2» тонул в грязи. Редкие фонари освещали лужи, в которых отражалось такое же серое, больное небо.

Лёха шел впереди. За спиной он тащил за ручку голову «Электроники-10». Она скребла днищем по замерзшим колдобинам, издавая звук, похожий на стон раненого животного. Толян нес «Урал», Саня бережно прижимал к груди свою установку, завернутую в старый ковер.

Они вышли на дорогу. Мимо пронеслась маршрутка, обдав их веером грязной воды.

— Сто тысяч копий, — вдруг сказал Саня, глядя на удаляющиеся красные огни. — Я слышал, как они шуршат. На кассетах. Магнитная лента. Это будет лучший альбом десятилетия.

— Конечно, Санёк, — не оборачиваясь, бросил Лёха. — Мы круче, чем Nirvana. Это мамочке понятно.

Он поправил лямку рюкзака, в котором лежали два пас-

сивных динамика от кинотеатра и моток изоленты. На зубах скрипела грязь. В животе было пусто. В голове стучал единственный рифф — злой, грязный, бьющий точно в солнечное сплетение.

Где-то вдалеке, над промзоной, завыла настоящая сирена.

Саня улыбнулся и начал отбивать ритм на крышке от мусорного бака, которую подобрал по дороге.

Кап. Кап. Кап.

Пам. Дзиинь. Буууум. Скриип. Вой.

Гараж остался позади. Начинался тур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.